

ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

*О. Батсайхан**

*С.Л. Кузьмин***

С древнейших времен монголы имели государственность. Примерно 450 лет назад она была утрачена, а менее 100 лет назад восстановлена. На какой легитимной основе сложилось современное Государство Монголия? Как это понималось в стране и за рубежом? Ответы на эти вопросы важны не только для истории, но и для реагирования на вызовы современности.

Со времен Чингисхана у монголов было традиционное государственное право, опиравшееся на Ясу и Билик. Перенос Хубилай-ханом столицы в Пекин и китаизация системы управления заложили “мину замедленного действия” под Хамаг Монгол Улс: когда Тогон-Тэмурхан был изгнан из Пекина, империя была потеряна. Ханская власть постепенно слабела, усиливались междоусобицы. Но обычаи, заложенные Чингисханом, в целом сохранялись. Последним общемонгольским ханом был Лигдэн-хан (1592–1634). В 1636 г. съезд князей южных и восточных монголов отправил посольство к маньчжурскому Абахай-хану с признанием его великим ханом. Абахай принял титул и обещал сохранить за монгольскими феодалами наследственное право на уделы, неприкосновенность территории и жизненного уклада.

Успех дальнейшей маньчжурской экспансии связан с попыткой джунгарских ханов воссоздать Хамаг Монгол Улс. Халха не смогла сдерживать натиск джунгар, князья стали обсуждать, под чью власть перейти: России или Китая. Ундур-гэгэн Занабазар убедил князей перейти под власть маньчжуров, как более близких по религии и обычаям. На сейме в Долон-норе в 1691 г. князья Внутренней и Внешней Монголии признали сюзеренитет династии Цин. Монгольские феодалы получили маньчжурские титулы и звания. Они были зачислены данниками Палаты внешних сношений (Ли Фаньюань). Эта палата ведала народами, признавшими сюзеренитет Цинов: монголами, тибетцами, уйгурами и др. В XIX в. к ее ведению были отнесены и русские. Переписка с русскими была в ведении 4-й экспедиции, занимавшейся также делами управления князей и чиновников монгольских и тибетских княжеств (Уложение, 1828).

* О. Батсайхан - ОУСХ-ийн эрдэм шинжилгээний тэргүүлэх ажилтан, доктор (Sc.D), профессор

** С.Л. Кузьмин - ОХУ-ын ШУА-ийн экологийн хүрээлэнгийн эрдэм шинжилгээний тэргүүлэх ажилтан, доктор

Таким образом, “внешние сношения” подразумевали народы, имевшие разные типы связей с династией Цин, но не являющиеся частью Китая.

Значение сейма в Долон-норе как акта, определившего юридический статус Монголии, представляется спорным (Коростовец, 2004). Китайцы говорили, что сейм утвердил вассальную зависимость Монголии от Китая, а монголы – что на сейме если и была принесена присяга на верность, то она имела персональный характер и относилась лишь к маньчжурам, а не к Китайскому правительству. Во всяком случае, Занабазар перед сеймом призывал монголов подчиниться “великому китайскому императору” (цит. по: Белов, 1999, с. 12). Это еще не значит войти в состав Китая. Кроме того, решения сейма не были закреплены письменным актом – следовательно, здесь можно говорить о международно-правовом обычае, а не международном договоре. Сюзеренитет маньчжурского хана монголы и китайцы тоже понимали по-разному. Для монголов это значило не вхождение в чужое государство, а лишь очередной переход под власть более сильного хана. Китайцы же, наоборот, считали навечно подчинившимися любые народы, кто хоть раз признал сюзеренитет их правителя или просто прислал посольство, а подарки своему императору трактовали как дань (например, китайские документы к русскому посольству Н. Спафария в 1676 г).

Под сюзеренитетом Цинов монголы прожили около 200 лет, сохраняя свои законы и обычаи. Запрещалась колонизация, аренда их земель, ограничивался въезд извне, регулировалась торговля. За приезжающими китайцами был установлен надзор чиновников Ли Фаньюань, законодательство регламентировало их пребывание (Цааджин Бичиг, 1998; Уложение, 1828). Тем китайским промышленникам, которые под видом закупок заводили связи и оставались в Монголии, угрожало суровое наказание (Уложение, 1828, § 95). Всем жителям внутреннего Китая (за Великой стеной) строго запрещалось переходить границу и самовольно распахивать земли в Монголии, а монголам – отдавать китайцам пастбища под распашку (Уложение, 1828, §§ 165, 167, 168).

Маньчжурские ханы заключали родственные союзы с монгольскими князьями. К началу XIX в. был разработан регламент браков между маньчжурской и монгольской аристократией (Уложение, 1828, глава XX). Чтобы раздробить Монголию для лучшего контроля, Цины раздавали титулы, должности и земли. Князья попадали во все большую зависимость, постепенно лишались многих суверенных прав (наследование титулов, вынесение смертных приговоров, самостоятельные сношения с иностранцами и т.д.),

главные должности по управлению территориями предоставлялись маньчжурам. Монголы обязывались, в первую очередь, платить дань и выставлять войска (Уложение, 1828). Внутренние монголы, признавшие власть Цин раньше, имели некоторые привилегии при дворе, но меньше прав самоуправления (Коростовец, 2004). Вплоть до 1919 г. судебные дела в Монголии решались в основном по специальному законодательству для монголов, основой для которого были использованы такие старомонгольские законодательные акты как: “Халха Джирум”, “Их цааз”, маньчжурские “Уложение” и законы для Шабинского ведомства (см. Цааджин бичиг, 1998).

Все эти меры не противоречили договоренностям Цинов с монголами и были в рамках международных (сюзеренитет: подчинение слабого государства сильному), а не внутригосударственных отношений (суверенитет: полное верховенство власти внутри страны и ее независимость во внешней сфере).

Маньчжурские ханы поддерживали буддизм. Вызванная как политическим, так и религиозным выбором маньчжуров, эта поддержка сделала XVII – XIX вв. “золотым веком” северного буддизма (Успенский, 1996). На монгольских землях буддизм развивался и консолидировал население. В связи с этим, с XVIII в. Цины стали здесь проводить многоступенчатые ограничительные меры (Цацрал, 2004). Высшим религиозным авторитетом во Внешней Монголии (а затем и за ее пределами) пользовались хубилганы Джебцундамба-хутухты, имеющие титул Богдо-гэгэн. Отношения маньчжурских ханов с главами Буддийской церкви строились по принципу “покровитель – наставник”. Поэтому сюзеренитет Маньчжурской династии над Монголией и Тибетом отличался от сюзеренитета над другими территориями.

Перерождения Джебцундамба-хутухты находили сначала в Монголии, затем в Тибете. В европейской литературе сложилось превратное представление о Богдо-гэгэнах как людях, которые способствовали подчинению монголов Китаю, были бесцветными политиками, нарушали религиозные заповеди и т.п. Эти сведения поступали от русских путешественников и дипломатов в Урге (Долбежев, В.Ф. Люба, П.К. Козлов, А.Д. Хитрово, А.М. Позднеев), затем попадали в книги и стали общеизвестными. Насколько неточна такая информация, видно из книги А.М. Позднеева (1879, с. 25-26): “Жизнь гэгэна проходит неведомо для обыкновенных смертных в глубине его дворца”, поэтому сведения можно получить только от его ближайшего окружения, “при всем том однако можно думать...” и т.п. Достоверность таких сведений и их интерпретация людьми другой культуры и религии с точки зрения науки сомнительна. Настало

время заново изучить этот вопрос на основе монгольских и тибетских источников.

Любой процесс можно оценить по его результатам. О результатах в области религии говорит уже тот факт, что в иерархии северного буддизма Богдо-гэгэн занимает третье место после Далай-ламы и Панчен-ламы, пользовался и пользуется авторитетом как наставник монгольских народов. В политической сфере хорошие отношения хубилганов Джебцзундамбы с маньчжурскими ханами способствовали стабильности монголо-китайских отношений, авторитет среди феодалов помогал внутренней интеграции Монголии. Интеграции помогало и то, что духовенство было более сплоченным слоем, чем феодалы.

Все эти факторы стали особенно важны со второй половины XIX в. Манжурская империя начала входить в полосу кризисов. Конфликт с Западом и волнения в стране заставили Цинов начать реформы. До начала XIX в. китайская колонизация была незначительной. Например, за семьями китайцев, которые проникли в кочевья Горлоса, был установлен надзор, занятые ими пашни зафиксированы межевыми знаками (Уложение, 1828, § 172), дальнейшее занятие земель запрещено (§ 173).

Теперь ситуация изменилась. В 1887 г. Цинское правительство разрешило китайцам переходить Великую стену. Был взят курс на то, чтобы превратить Монголию и Тибет в обычные китайские провинции. После восстания ихэтуаней 1899–1901 гг. Цины разрешили китайцам колонизировать Маньчжурию и Внутреннюю Монголию. Указ маньчжурского хана о новой политике “Синьчжэн” был издан в 1900 г., с 1901 г. эта политика начала претворяться в жизнь (Батсайхан, 2007а). Цели были такие: ослабить влияние России и Японии в Монголии; ассимилировать монголов китайцами; заменить монгольский кочевой уклад на китайский оседлый; создать военный плацдарм; подавить сопротивление монголов. На земли монголов хлынули сотни тысяч китайцев, появились чисто китайские города и сеймы.

Китайская колонизация стала главной причиной национально-освободительного движения монголов. В 1904 г. влиятельные ламы и князья Внутренней и Внешней Монголии “бесповоротно решили отделиться от Китая в самостоятельное союзное государство, совершив эту операцию под покровительством и поддержкою России, избежав при этом кровопролития” (цит. по: Белов, 1996, с. 138).

К 1911 г. китайцы колонизировали значительную часть Внутренней Монголии. Колонизация Халхи началась лишь в 1911 г. и была не столь интенсивной, но и здесь она представляла угрозу. 27 и 28 июля 1911 г. в Урге прошло тайное собрание феодалов под

председательством Богдо-гэгэна VIII. На нем решили отделиться от Маньчжурской империи при поддержке России. Царское правительство поддержало не полный разрыв Монголии с династией Цин, а ее стремление сохранить самобытность. Репрессии со стороны Саньдо, маньчжурского амбана в Урге, привели к спаду движения. Возобновилось оно лишь с началом Синьхайской революции в Китае. 1 декабря 1911 г. в Урге было обнародовано “Воззвание ханов, ванов, бэйсэ, гунов, дзасаков, а равно хамбо, шанцзотбы и да-лам всех четырех халхасских аймаков”. В нем отмечалось, что теперь, согласно древним порядкам, следует установить свое национальное, независимое от других, новое государство (Белов, 1999).

Следовательно, независимость новой Монголии изначально обосновывалась древним правом. Переворот в Урге прошел бескровно. В ряд городов Внешней Монголии, Баргу и Внутреннюю Монголию были разослан призыв свергать маньчжуро-китайскую власть для восстановления единой Монголии под властью Богдо-гэгэна, который “будет избран монгольским ханом и защитником всего монгольского народа” (Белов, 1999, с. 50).

29 декабря 1911 г. в Урге прошла церемония возведения Джебцундамба-хутухты на трон Богдо-хана Монголии, в которой приняли участие посланцы четырех аймаков, но известия о поддержке пришли и из других мест. Этот акт означал восстановление независимости, символом которой стал высший духовный наставник монголов, получивший теперь и высшую светскую власть.

Богдо-хан стал править под девизом Многими Возведенный. Этот девиз означает всенародное признание монарха, его возведение на престол согласно древней индийской, и тибето-монгольской традиции. Следует подчеркнуть, что установление теократической монархии не было делом одних лам и феодалов. Даже в советское время признавали, что религиозный авторитет Богдо-гэгэна среди аратов чрезвычайно велик, а во время антиманьчжурского движения он повысился еще больше (Златкин, 1957). В своем первом указе Богдо-хан обещал развивать желтую веру, укреплять ханскую власть, стараться ради благосостояния и счастья всех монголов в надежде, что все феодалы тоже будут служить стране и религии честно и с усердием (Богдын лундэн, 2002). Таким образом, принимая ханскую власть, Богдо-гэгэн VIII декларировал в качестве высших ценностей благо всего народа и религии. Легитимность верховной власти Богдо-гэгэна опиралась на традиционную систему ценностей монголов, всенародную поддержку, политический и духовный авторитет. Иными словами, по классификации М. Вебера (1990), это было сочетание

традиционной и харизматической моделей легитимности. Соответственно, Правительство, действовавшее под его верховным руководством, также являлось легитимным.

Став независимым государством, Внешняя Монголия стала и тем центром, вокруг которого интегрировалось национально-освободительное движение на других территориях. Богдо-гэгэн и его главный советник Да-лама Цэрэнчимэд были сторонниками Хамаг Монгол Улс. Для этого налаживали контакты с разными народностями, пытались добиться международного признания.

Выход из-под власти Цинской династии был законным, так как она грубо нарушила условия своего сюзеренитета над монголами. Китайские республиканцы, претендовавшие на “наследие” маньчжурской монархии, отказались признать самостоятельность монголов. Россия вынуждена была вести долгие переговоры с Китаем и Монголией – с 1911 по 1915 г. (подробнее см.: Коростовец, 2004). За это время издавались декреты об отмене статуса Монголии и Тибета как вассальных территорий (они приравнивались к китайским провинциям), президент Китая Юань Шикай призывал Богдо-хана восстановить связь с Китаем и т.п. Значит, китайские власти понимали, что монголы и тибетцы осознают себя независимыми народами, не желающими жить в Китае и не признающими республиканской власти. Джебцзундамба-хулухта резонно отвечал Юань Шикаю, что монголы присягали на верность династии Цин, а в результате революции в Китае эта связь порвалась (Коростовец, 2004). В результате отречения династии образовалось два государства – Монголия и Китай, и “у нас не может быть притязаний друг к другу. То, что Вы стали во главе китайского народа, а я – монгольского, и есть самое правильное разрешение вопроса, и это, кажется, не дает оснований для разжигания взаимной вражды” (Белов, 1999, с. 193).

3 ноября 1912 г. был подписан русско-монгольский договор (в русском варианте – “соглашение”), которым предусматривался автономный статус Монголии. Вместо “Внешняя Монголия” там использовался более широкий термин “Монголия” в русском варианте и “Монгол Улс” (“Государство Монголия”) в монгольском варианте. Оба варианта имеют равную юридическую силу. Получается, что Монголию как государство Россия на договорной основе признала раньше, чем Китайскую республику. Подписав соглашение 1912 г. с Россией, Монголия стала юридически правомочным субъектом, имеющим полное право на заключение договоров с иностранными государствами. Это право было признано Правительством России. Объявление всему миру о подписании данного документа было фактическим признанием государства и его названия “Монголия”.

Объявленная независимость первоначально не получила широкого международного признания. Монголию признал только Тибет, восстановивший свою независимость в таких же условиях. Монголо-тибетский договор был подписан 11 января 1913 г. в Урге. В нем говорилось, что “Монголия и Тибет, освободившись от маньчжурской династии и отделившись от Китая, образовали свои самостоятельные государства” (Белов, 2001). Это было законным актом установления межгосударственных отношений. Этот акт не требовал признания другими странами: как указано выше, Монголия к этому времени уже стала юридически правомочным субъектом для подписания международных договоров. Отсюда следует, что признание Тибета Монголией также сделало Тибет субъектом международного права.

В Монголии были созданы все государственные институты, включая правительство, армию, инфраструктуру. Страна самообеспечивалась основными товарами, имела международные контакты, власть была легитимной (Кузьмин, 2006). Стремясь консолидировать народ и избежать социальных потрясений, Богдохан в своих указах подчеркивал необходимость прекращения междоусобиц, ссор и взаимной вражды монголов, угнетения низших сословий, важность укрепления семьи и т.п. (Богдын лундэн, 2002). Основу этого он видел в нравственном совершенствовании и религии. Указы монарха касались разнообразных тем – религии, управления, связей с другими странами, торговли, финансов, таможенных правил, наград, компенсаций людям, пострадавшим от гибели скота, мер против голода, запрета азартных игр и т.д.

Объединительная политика Джебцзундамба-хутухты давала результаты. Пожелали присоединиться все хошуны Внутренней Монголии, монголы Цинхая и Алашани, Барга, большая часть хошунов Урянхайского края. Поддержка, оказанная разными регионами политике Богдо-гэгэна, говорит о возрождении древней объединительной традиции кочевников Центральной Азии, которое сделало легитимным проект государственного объединения (Халдуоров, 2005). Однако этот проект не состоялся: у самих монголов не было достаточно сил для победы, а внешнюю поддержку они не получили. Россия была связана секретными соглашениями 1907, 1910 и 1912 гг. с Японией о разделе сфер влияния. Обе страны не вмешивались в дела Внутренней Монголии. Кроме того, поддержка независимости в Халхе была сильнее, чем во Внутренней Монголии, где китайская колонизация и ассимиляция уже приносили свои плоды (Белов, 1999).

После долгих переговоров России с Китаем была подписана русско-китайская декларация по Внешней Монголии 5 ноября 1913

г., а 25 мая 1915 г. – трехстороннее Кяхтинское соглашение. Оно предусматривало, в частности, автономию Внешней Монголии (ст. 2), невмешательство Китая и России во внутренние дела Монголии и ее внешнюю торговлю (ст. 5), ограничение численности конвоев в Урге при китайском сановнике в 200 чел., при русском представителе – 150 чел., китайских и русских конвоев при чиновниках, направляемых в другие местности – по 50 чел (ст. 7 и 8). Соглашение полностью признавало русско-китайскую декларацию 1913 г., в свою очередь, базировавшуюся на русско-монгольском соглашении (договоре) 1912 г. Значит, Китай тем самым косвенно признал государственность Монголии. Весь ход переговоров и текст документа свидетельствуют о том, что Монголия и правительство Богдо-гэгэна рассматривались, фактически, как самостоятельная договаривающаяся сторона, что можно считать еще одним шагом к юридическому признанию самостоятельности Монгольского государства (Батсайхан, 2007а). Однако в Урге это соглашение встретили отрицательно. Там понимали, что оно увековечивает раскол Монголии, за Внешней Монголией юридически закрепляет автономный статус.

А в Китае отрицательно относились к любым соглашениям России с Монголией, считая последнюю китайской территорией. До сих пор в определенных кругах КНР обсуждаются “неравноправные” договоры, “навязанные” Китаю в период его слабости “империалистами”, в результате чего были “утрачены” территории. Те, кто стоит на таких позициях, впадают в противоречие, ставящее под сомнение целостность КНР. Ведь территории, населенные монголами, тибетцами и уйгурами были присоединены к Китаю в период их слабости. Значит, любые соглашения, лежащие в основе этого, навязаны этим народам китайскими империалистами и подлежат пересмотру. Но вернемся к предмету нашего исследования.

После революции 1917 г. в России, геополитическое положение Монголии ухудшилось. Россия больше не могла оказать поддержки. В марте 1918 г. вышел декрет президента Китая, где Внешняя Монголия и Урянхайский край снова были объявлены китайскими провинциями. Китайский сановник в Урге стал добиваться ввода войск. На протест российского белого дипломатического агента в Монголии А.А. Орлова он ответил, что “...соблюдение договоров обязательно в мирное время, в смутное же можно и ограничить объем их действия”; кроме того, тройственное соглашение касается внутренних порядков в Монголии, ввод китайских войск туда требуется для защиты китайской территории от внешней опасности (АВГРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1565, л. 319). 26 мая 1918

г. Автономное правительство согласилось на введение в Ургу одного батальона китайских войск, но затем заявило, что в этом нет необходимости (Белов, 1999). Тем не менее, батальон был введен.

В связи с усилением позиций духовенства, доходы некоторых князей снизились. А.А. Орлов сообщал, что князья и некоторые министры стали стремиться к отмене автономии, т.к. искали у китайцев личной и имущественной безопасности (Белов, 1999, с. 180). Однако нижняя палата и ламы были против отмены автономии. В правящем слое возник раскол. Воспользовавшись этим, китайцы направили в Халху крупные контингенты войск. Командир оккупационных войск генерал Сюй Шучжэн заставил монгольское руководство подписать просьбу – “Коллективную петицию правительства, князей и лам Внешней Монголии”, которую отправили Богдо-гэгэну для приложения печати. Но он отказался (Белов, 1997). В петиции говорилось, что династия Цин допускала злоупотребления в Монголии, чем воспользовались иностранцы (русские), подстрекавшие монголов к независимости; по соглашениям сюзеренные права Китая стали чисто номинальными, а теперь Россия утратила возможность сохранять соглашения; кроме того, буряты, решив создать общемонгольское государство, создали угрозу Внешней Монголии, а белогвардейцы насильственно завладели Урянхаем (Белов, 1999). Эта петиция хорошо иллюстрирует методы, которыми ханьские шовинисты оправдывают оккупацию чужих земель: утрата Китаем “законных” прав на эти земли из-за “неравноправных договоров”; экономические проблемы; “злоупотребления феодалов”, которых свергла революция; “внешняя опасность”; в результате – большинство якобы само просит о “воссоединении” с Китаем.

17 ноября 1919 г. петицию передали Сюй Шучжэну, 22 ноября прислали в Пекин, и сразу был издан декрет президента, которым удовлетворялась эта “просьба”. 24 ноября российский белый посланник Н.А. Кудашев направил протест в МИД Китая, но оно его отклонило (Белов, 1997). Переговоры с западными дипломатами были безрезультатны. Как всегда, Запад преследовал собственные интересы и не хотел портить отношения с Китаем. 2 января 1920 г. Сюй Шучжэн устроил церемонию отречения Богдо-хана и Автономного правительства от власти. В январе 1920 г. по той же схеме было отменено особое положение Барги (АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1548, л. 301–302).

Таким образом, Китай нарушил обязательства, взятые по Кяхтинскому соглашению. Ссылки на опасность панмонголизма и нарушение Россией соглашения несостоятельны: ни красные, ни белые не планировали захват Монголии. В панмонгольском движении

преобладали республиканцы, что было неприемлемо для правящего класса Халхи (Ринчино, 1998). Кроме того, Богдо-хан не хотел портить отношения с Россией и Китаем. Внешняя Монголия не поддержала панмонголистов, значит, она не была причиной конфликта. Войско панмонголистов не представляло Россию, оно так и не осуществило поход на Ургу, а его руководители были убиты в начале 1920 г. Однако незаконные меры Китая так и не были отменены.

Оккупация сразу вызвала сопротивление монгольских патриотов. Богдо-гэгэн продолжал выступать за восстановление автономии. Например, газета “Нийслэл хурээний сонин бичиг” (№101, 1919 г.) опубликовала статью, направленную на единение монголов, защиту религии и восстановление власти (Ширендыб, 1960). В конце 1919 г. в Урге возникли два подпольных кружка против китайского господства, в ноябре они объединились. В них входили представители разных сословий. В числе руководителей были Д. Сухэ-Батор и Х. Чойбалсан, которые ориентировались на Россию. Были также люди, надеявшиеся на Японию и США, например, Лувсанцэвэн-тайджи и Баир-гун (Тачибана, 2006). Кружки действовали с одобрения Богдо-гэгэна, не планировали ни революцию, ни уничтожение религии и монархии, были далеки от коммунистических идей. На их основе образовалась Монгольская народная партия (МНП). В 1920 г. ее целью было освобождение страны от китайцев, восстановление государственности во главе с Богдо-гэгэном, благосостояние народных масс, уменьшение прав князей (История, 1967). В революционный 1921 г. целью была модернизация общества на традиционной основе, а не разрушение этой основы. Весной 1921 г. ЦК МНП издал примечательное обращение к монгольским “братьям-солдатам” из армии барона Унгерна. Ссылаясь на волю Неба, ЦК призывал достичь процветания религии и власти (Монгол Унэн, сонин №6, 19.04.21). Позже, в 1922 г. представители МНП сами говорили о том, что их партия пока не может считаться ни коммунистической, ни социалистической, что их основная цель – полное освобождение Монголии от иностранного политического и экономического гнета (Далин, 1975).

Сибирское областное бюро РКП(б) и Дальневосточный секретариат Коминтерна стали внедрять революционные идеи в среду “красных монголов” (Генкин, 1928). Так были заложены основы будущей гражданской войны, репрессий, уничтожения монархии и религии. Сами “красные монголы” не разбирались в тонкостях коммунистической доктрины, сохраняли верность союзу с Россией и возлагали на нее главные надежды в деле восстановления независимости.

В феврале – марте 1921 г., не задумываясь о дипломатических последствиях, барон Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг изгнал из Монголии

основные контингенты китайских войск и восстановил законную власть. Важное значение имел также разгром китайских войск в Маймачене на севере отрядами Д. Сухэ-Батора. В советское время устоялся взгляд, что изгнали китайцев из Монголии “красные монголы” при поддержке РСФСР, а сторонники теократической монархии были врагами народа и агентами иностранцев. В действительности же ламы во главе с Богдо-гэгэном занимали самую последовательную позицию в национально-освободительной борьбе и внесли важный вклад в освобождение страны от оккупантов.

После вступления Унгерна в Монголию его контакт с арестованным китайцами Богдо-гэгэном осуществлялся через лам, с ними Унгерн постоянно советовался. Сам Богдо-гэгэн специальным указом предписал монголам помогать барону в изгнании китайцев. Пребывание войска Унгерна в Монголии, мобилизация и снабжение (в том числе путем реквизиций) были санкционированы Богдо-ханом и правительством, поэтому были законными. Автономное правительство вновь сформировали сами монголы без давления извне (Кузьмин, 2006). Оно в полной мере осуществляло свои полномочия под властью Богдо-хана. Восстанавливая законную власть в Монголии, Унгерн следовал собственному монархическому плану и не выполнял заданий внешних сил: ни русских белых, ни Японии, ни других. Сам барон принял буддизм и монгольское подданство (АВГПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 52187, л. 6). Следовательно, Унгерн в Монголии не был оккупантом или диктатором (подробнее см.: Кузьмин, 2006).

Автономное правительство после реставрации просуществовало меньше года. Тем не менее, оно успело осуществить важные мероприятия: создать властные структуры, начать восстанавливать промышленность, скотоводство и торговлю, связь, финансовую и налоговую системы, пошлины, армию и полицию, международные связи и т.д. (подробнее см.: Лонжид, 2006; Батсайхан, 2007б).

К середине 1921 г. стало ясно, что дело идет к установлению власти МНП. Автономное правительство вынуждено было искать сближения с руководством партии. Богдо-гэгэн договорился с Унгерном о том, что официально не направляет монгольские войска в Сибирь, а барон ведет войну на свой страх и риск (Боец, 01.06.21). Вступив в Ургу, Временное народное правительство предписало сдать печати всех министерств 10 июля 1921 г. С санкции Богдо-гэгэна это было выполнено. Следовательно, Автономное правительство сложило свои полномочия и передало власть Временному народному правительству законным путем (текст акта см.: Дальневосточная правда, 1921, №168, с. 2). (Батсайхан: надо дать ссылку на монгольский

источник) Богдо-хан велел опубликовать указ о борьбе против белых (текст см.: Дальневосточная правда, 1921, №169, с. 2). Это было сделано под давлением красных: реально же он помог основным соединениям унгерновцев уйти из Монголии (Торновский, 2004).

Авторитет Джебцзундамба-хутухты среди монголов был столь высок, что коммунисты не посмели его свергнуть. Это уникально: везде, где большевики брали власть, они сразу уничтожали монархию. Но Богдо-гэгэн спланировал вокруг себя всех монголов, в том числе МНП. Поэтому еще до взятия Урги, ЦК РКП(б) издал директиву, по которой Джебцзундамба-хутухта мог номинально сохранить свой пост после революции (Якимов, 1973). Следовательно, выбором монгольского народа была теократическая монархия, а не большевистская власть. В отличие от России, здесь нельзя было заявить, будто “народ сверг самодержавие”.

11 июля 1921 г. во дворце состоялась церемония возведения Богдо-гэгэна на престол ограниченного монарха, вслед за которой на площади состоялся митинг (Ширендыб, 1960). 1 ноября 1921 г. Богдо-гэгэна заставили подписать Клятвенный договор, которым он, фактически, лишился права влиять на важные государственные решения. Легитимность этих актов определяется тем, что они санкционированы Богдо-гэгэном. Но эта легитимность сомнительна, так как изменение высшей власти произошло под давлением революционеров, которых, в свою очередь, заставляли выполнять свои решения большевики. О таком давлении говорят многие факты. Например, в 1921 г. Далай-лама XIII получил от Богдо-гэгэна VIII письмо о том, что Советы, уничтожив свои храмы и священные книги, добрались до Монголии и при содействии МНП сместили его с престола (Андреев, 2006).

Иногда пишут, что подчинение Богдо-гэгэна VIII внешнему диктату говорит о его беспринципности (отречение от власти при Сюй Шучжэне и МНП, указ против белых и т.п.). Но к чему привел бы отказ? Не к сохранению власти, а лишь к усилению репрессий против народа. Поэтому действия Богдо-гэгэна были оправданными.

Всего через четыре дня после Клятвенного договора, 5 ноября 1921 г. было подписано соглашение между РСФСР и Монголией об установлении дружественных отношений (Соглашение, 1924). В ст.1 Правительство РСФСР признало единственным законным Правительством Монголии народное, а в ст.2 Монголия признала единственной законной властью России Правительство РСФСР. В.И. Ленин в день подписания договора заявил, что единственно правильный путь трудящихся Монголии – борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России (Ленин, 1970). Ход истории подтвердил искренность этого заявления.

Следовательно, взамен Кяхтинского соглашения Монголия подписала с Россией новое. Из него следовало признание независимости, за которую выступало Временное народное правительство. Правда, в следующие несколько лет советские посланники в Китае: А.К. Пайкес, А.А. Иоффе, Л.М. Карахан убедили Советское правительство в необходимости признать Монголию частью Китая (Лузянин, 1995). Этот шаг был сделан в надежде использовать Китай для разжигания мировой революции. Но признание суверенитета Китая в Советско-китайском соглашении об общих принципах урегулирования от 31 мая 1924 г. (ст. 5) не изменило статус-кво: советские войска не были выведены, под защитой СССР Монголия продолжала развиваться как независимое государство.

Богдо-гэгэн VIII умер 20 мая 1924 г. Уже 3 июня пленум ЦК МНП единодушно высказался за переход к республиканскому строю, 13 июня это было санкционировано Правительством, а 26 ноября это решение стало законом с санкции I Великого народного хурала. Монголия стала народной республикой. Если с 1921 по 1924 г. Народное правительство издавало законы, ограничивающие права феодалов и духовенства, то теперь процесс ускорился. Перенос советскую модель на Монголию, импортируя сюда незаконные методы, большевики стали форсировать курс на уничтожение традиционного общественного уклада и религии. 11 августа 1924 г. исполком Коминтерна принял решение о “большевизации” МНП (Рошин, 1996). В августе того же года на III съезде МНП было принято решение о переименовании партии в МНРП. На I Великом хурале решено форсировать переход к социализму, минуя капитализм. Эти решения были продиктованы большевиками через Коминтерн, что нашло отражение в выступлении председателя МНРП Дамбадоржа: “Под руководством Интернационала наша Партия достигла всего, поэтому наша Партия и должна почитать и полагаться на III Коммунистический Интернационал. Поэтому и нашему Хуралдану надлежит одинаково почитать и полагаться на него” (Протоколы, 1924). (Батсайхан: надо дать ссылку по монгольскому варианту) Что это значит, объяснил в своей речи представитель Коминтерна Т. Рыскулов: “Человечество разделено на две борющиеся группы. Одна группа – это капиталисты, эксплуататоры и туеядцы (аристократия), другая группа – это рабочие и крестьяне, все трудящиеся элементы и угнетенные малые народности. Последняя группа трудящихся всего мира объединяется и ведет борьбу против угнетателей капиталистов за свое освобождение”. Демагогически смешивая социальный статус с национальным (рабочие,

крестьяне и народности), представитель Коминтерна, тем не менее, указал приоритеты на будущее.

Началась широкомасштабная борьба с духовенством и феодалами. Это был путь уничтожения буддизма и традиционной культуры монголов, экспроприации имущества “эксплуататорских классов”, уничтожения самих этих классов, правого и левого уклонов и т.д. Реакцией народа стали восстания и заговоры, ответом на них – массовые репрессии по советскому образцу. Одними из первых (с 1921 г.) были казнены выдающиеся борцы за государственность Монголии: Егузэр-хутухта Ж. Галсандаш, Манджушри-хутухта С. Цэрэндорж, Далама Пунцагдорж, Тогтохо-гун, Саж-лама Жамьян-Данзан, Лувсанцэвэн-ван, Ж. Жамболон-ван, Ц. Тубанов, Б. Очиров и др. Любые связи с японцами и китайцами объясняли деятельностью в пользу “иностранным империализма” или “реакции”. И это в то время, когда сама МНРП следовала предписаниям из СССР.

В условиях ориентации на СССР как гаранта независимости МНР невозможно было отказаться от принципов Коминтерна, направлявшегося Политбюро ЦК ВКП(б). Конечная цель Коминтерна – мировой коммунизм; необходимая предпосылка – диктатура мирового пролетариата; всеми трудящимися могут руководить только индустриальные рабочие; власть должна вести антирелигиозную пропаганду, уничтожить всякую государственную поддержку церкви, всякое вмешательство церкви в государственное воспитание и образование, беспощадно подавлять контрреволюционную деятельность церковных организаций. (Программа, 1932). “Победоносный пролетариат должен всячески поддерживать неимущие, полупролетарские слои крестьянства, отдавая им часть помещичьих земель... должен далее нейтрализовать средние слои крестьянства и беспощадно подавлять малейшее сопротивление со стороны сельской буржуазии, блокирующей с помещиками” (там же, с. 98).

Все эти цели несовместимы с традиционным обществом. Для их оправдания в Монголию были импортированы лживые лозунги: что монгольский народ – “темный и отсталый”, поскольку верен традициям и желтой вере; что верхушка лам – “против народа” и связана с “иностранными империалистами в ущерб независимости страны”; что все феодалы – “эксплуататоры” и т.п. Попытка реализации этих целей привела к модернизации ценой таких потерь, которых еще не было в истории Монголии.

Таким образом, Богдо-гэгэн, даже не имея светской власти, своим высшим авторитетом сдерживал экстремистские силы и

экспансию иностранных глобалистов (в коминтерновском варианте), сводя к минимуму потрясения в стране.

В 1924 г. высшие ламы начали искать новое перерождение Богдо-гэгэна (Пурэвжав, Дашжамц, 1965). В 1925 г. прошел слух, что это некий ребенок из района Ероо; но его не признали высокие ламы. Политика МНРП к приглашению Богдо-гэгэна IX была осторожной: лидеры понимали, что Джебцундамба-хутухта пользуется всенародной поддержкой. Но, как указано выше, на них давили извне. 7 июля 1925 г. вышло постановление пленума ЦК МНРП: “Энэхуу Жавзандамба хутагтын хувилгааныг (хуухэн Цэнджавыг – ред.) тодруулан залахад унэн илэрхий баримтгүй учраас туунийг хувилгаан хэмээн залахыг хэлэлцэхгүй болгон, тусгай комисс томилж эр хэргийг тогтоолын есоор гуйцэтгүүлэх ба засгийн газраас Жавзандамба хутагтын хувилгааныг дахин тодруулахыг Далай ламаас асууж гуйцэтгэх учир хэрхэн хариу ирүүлэх тухайг тур хулээлгэхийг мэдэгдэн явуулсугай” (НТА, 1-3-3 – цит. по: Пурэвжав, Дашжамц, 1965). Так образом решили оттянуть этот вопрос и организовать комиссию от правительства, чтобы спросить у Далай-ламы.

В ноябре 1926 г. III Великий Хурал МНР принял специальную резолюцию, в которой, в соответствии с решениями V съезда МНРП, постановил: “В отношении приглашения девятого Хутухты воздержаться, т.к. об этом нет никаких указаний в священных сказаниях, вследствие чего необходимо детальное выяснение этого вопроса в высших инстанциях буддийской иерархии” (Хозяйство Монголии, №7, 1926, с.120). (Батсайхан: здесь и ниже надо цитаты по монгольским источникам) Там же была отмечена необходимость окончательного отделения церкви от государства – хотя уже на I Великом Хурале в ноябре 1924 г. была принята первая Конституция Монголии, где в гл. 1, ст. 3, п. 6 провозглашалось, что дела религии отделяются от государственных (Монгольское законодательство, 1928). Тем не менее, в главе 2 “Закона об отделении религии от государства” 1926 г. говорилось, что для поисков новых перерождений хутухт и хубилганов надо испрашивать разрешение правительства. Такие разрешения при социализме не выдавались. В 1928 г. на VII съезде МНРП и V Великом хурале окончательно запретили искать последнее перерождение Богдо-гэгэна (Пурэвжав, Дашжамц, 1965). Таким образом, возникло и впоследствии сохранялось противоречие двух законодательных положений: если церковь отделена от государства, то государство не имеет права вмешиваться в религиозные процедуры. Так как Конституция имеет главенство над остальным законодательством, вмешательство государства в поиски или приглашение хубилганов незаконно.

По Конституции МНР 1960 г. религия отделена от государства (ст. 86), как и по Конституции 1992 г., где сказано, что Монголия – светское государство, а отношения с религией регулируются законодательством (ст. 8). Следовательно, государство не вмешивается в дела внутри церкви. В наше время Богдо-гэгэн IX Джебцундамба-Халха Ринпоче признан высшими буддийскими иерархами (прежде всего, Далай-ламой XIV), а также верующими в Монголии, являясь их духовным наставником. Это признание полностью согласуется со законодательными актами Монголии и официальными решениями МНРП с 1925 г. Возник парадокс. Сейчас Монголии распространяются чуждые религии и секты (протестантизм, католицизм, мормоны и т.п.). Если это согласуется с Законом Монголии об отношениях с конфессиями от 1993 г. и поправками к нему от 1995 г., то монгольские последователи Богдо-гэгэна IX тем более имеют законное право на его приглашение.

Выше была показана благотворная роль хубилганов Джебцундамбы в консолидации монголов на базе традиционной веры. Поэтому приглашение Богдо-гэгэна в Монголию как духовного наставника (хотя бы части верующих) имело бы положительное значение. Это особенно важно при современных вызовах этнокультурной идентичности и государственности монголов.

Власть коммунистов имела тяжелые последствия. Но очевидна ее решающая роль, как и лично И.В. Сталина, в международном признании независимой Монголии, в том числе со стороны Китая. Правительству Х. Чойбалсана не удалось реализовать планы воссоединения с Внутренней Монголией, но удалось добиться окончательного международного признания Монгольского государства. Китайское Нанкинское правительство в январе 1946 г. признало итоги референдума 1945 г., когда практически все население проголосовало за независимость. После прихода к власти КПК поддержание дипломатических отношений означает признание Китаем независимости Монголии. Но до сих пор в КНР появляются утверждения о том, что это “утраченная территория”, хотя сама Монголия имеет не меньше прав считать своими “утраченными территориями” не только Внутреннюю Монголию, Баргу, Цинхай, Алашань и Джунгарию, населенные монголами, но и остальной Китай...

Таким образом, события прошлого века, когда решался вопрос о государственности Монголии, сохраняют актуальность в наше время.

Выводы

1. Политика китаизации Монголии в последние десятилетия правления Манжурской династии, а затем Синьхайская революция вызвали борьбу за восстановление государственности монголов. Они находились в составе империи на условиях сохранения своей самобытности и *сюзеренных* прав маньчжурской династии, а не *суверенных* прав Китайской республики. Когда эти условия были нарушены, монголы получили законные основания для провозглашения независимости.

2. Отказавшись от подчинения Манжурской империи, затем и Китаю Монголия в 1911 г. обрела все атрибуты независимой страны.

3. Возведение Богдо-гэгэна VIII на трон великого хана Монголии 29 декабря 1911 г. означало восстановление монгольской независимости. Его всенародное возведение есть восстановление связи с теми временами, когда Монголией правили великие ханы. Следовательно, Богдо-гэгэн – источник и основание легитимности государства в новое время. Монгол Улс – последний островок государственности монгольских народов. Поэтому значение Джебцзундамба-хутухты в современной истории соизмеримо со значением великих основателей Хамаг Монгол Улс.

6. Важное консолидирующее значение для монгольского народа имело то, что преемственность светской власти от великих монгольских ханов прошлого соединилась с преемственностью духовного авторитета хубилганов Джебцзундамба-хутухты. Ни одна другая сила общества не могла объединить вокруг себя народ в критический период восстановления государства: феодалы погрязли в разногласиях, а народная партия еще не приобрела влияние.

3. Монгольская государственность в XX в. была бы невозможна без помощи России – сначала царской, потом советской. В 1921 г. ключевую роль в восстановлении монгольской государственности сыграл барон Р.Ф. Унгерн. Позже государственность была сохранена и получила международное признание благодаря принципиальной позиции МНРП по этому вопросу и помощи СССР.

4. Кружок революционеров и МНРП изначально действовали с одобрения Богдо-гэгэна VIII, не планировали свергать его духовную власть, не собирались уничтожить религию, были далеки от большевистских идей. Эти идеи были внедрены из-за границы.

7. Легитимность передачи власти от монарха и Автономного правительства к Народному правительству определяется санкцией Богдо-гэгэна VIII, хотя он действовал под внешним давлением. Даже не имея светской власти, Богдо-гэгэн VIII своим авторитетом

сдерживал экстремистские силы и внешнее вмешательство, сводя к минимуму социально-политические потрясения в Монголии.

8. Репрессии в отношении Буддийской церкви и отказ в приглашении Богдо-гэгэна IX как религиозного наставника связаны с внешним воздействием и являются нелегитимными.

Литература

1. Батсайхан О. 2007а. Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ (1911–1916). Улаанбаатар: Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академи.
2. Батсайхан О. 2007б. Монгол үндэстэн бүрэн эрхт болох замд (1911–1946). Улаанбаатар: Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академи.
3. Белов Е.А. 1996. Записка подполковника Генерального штаба Хитрово о Далай-ламе и его деятельности 1906 года. – Восток (4):136-141.
4. Белов Е.А. 1997. Как была ликвидирована автономия Внешней Монголии. – Азия и Африка сегодня (5).
5. Белов Е.А. 1999. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: Наука.
6. Белов Е.А. 2001. Краткая история Синьхайской революции 1911 – 1913 гг. М.: Восточная литература.
7. Богдын лундэн. 2002. Улаанбаатар: Халдун сан.
8. Вебер М. 1990. Избранные произведения. М.: Прогресс.
9. Генкин И. 1928. Конец Унгерна и начало новой Монголии. – Северная Азия (2): 75-90.
10. Далин С.А. 1975. Китайские мемуары 1921–1927. М.: Наука.
11. Златкин И.Я. 1957. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М.: Наука.
12. История Монгольской народной республики. 1967. М.: Наука.
13. Коростовец. И.Я. 2004. От Чингис хана до Советской республики. Улан-Батор: Адмон.
14. Кузьмин С.Л. 2006. Барон Р.Ф. фон Унгерн-Штернберг и восстановление монгольской государственности. – В кн.: IX Международный конгресс монголоведов. Доклады российских ученых. М.: 106-112.
15. Ленин В.И. 1970. Полное собрание сочинений, т. 44. М.: 232-233.
16. Лонжид З. 2006. Монгол улсын санхүүгийн албаны туух (1911–1921). Улаанбаатар.
17. Лузянин С.Г. 1995. Первые советские дипломаты в Китае и монгольский вопрос. – В кн.: Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Москва-Иркутск: 56-60.

18. Монгольское законодательство вып. 1. Основной закон и приложения. [1928]. Издание полпреда СССР в Монголии.
19. Позднеев А.М. 1879. Ургинские хулухты, исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб.
20. Программа и устав Коммунистического интернационала. 1932. М.: Партиздат.
21. Протоколы Первого Великого Хуралдана Монгольской Народной Республики. 1924. Урга.
22. Пурэвжав С., Дашжамц Д. 1965. БНМАУ-д сум, хийд, лам нарын асуудлыг шийдвэрлэсэн нь. 1921–1940 он. Улаанбаатар.: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо.
23. Ринчино Э.Д. 1998. О Монголии. Улан-Удэ.
24. Рошин С.К. 1996. Уполномоченный Коминтерна (Турар Рыскулов в Монголии). Восток (4): 52-61.
25. Соглашение между РСФСР и Монголией об установлении дружественных отношений. 1924. – В кн.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. 1, №18: 114-116.
26. Торновский М.Г. 2004. События в Монголии-Халхе в 1920 – 1921 гг. – В кн.: Легендарный барон. М.: 168-328.
27. Уложение Китайской палаты внешних сношений (пер. Липовцов С.). 1828. Т. 1. С.-Петербург: типография Департамента народного просвещения.
28. Успенский В.Л. 1996. Ламаистский Пекин: от Шунь-Чжи до Дао-Гуана. – Восток (4): 40-51.
29. Халдууров Т.В. 2005. Монгольская цивилизация и панмонголизм: проблема термина. – В кн.: Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке. М.: 60-65.
30. Цааджин бичиг (Монгольское уложение). Цинское законодательство для монголов 1627-1694 гг. 1998. М.: Наука.
31. Цацрал П. 2004. Монгол дахь теократ тур ба хутагт хувилгаалдын улстурийн оролцоо. Улаанбаатар.
32. Ширендыб Б. 1960. История Монгольской народной революции 1921 г. Докт. дисс. М.: Инст. востоковедения АН СССР.